

Ануфриев скит

В 1720-х годах нижегородский архиерей Питирим устроил погром керженских старообрядческих скитов, расположенных по реке Керженец, в результате чего большинство скитов было сожжено, а скитяне, скрываясь от преследования властей, вынуждены были бежать в леса на север.

Наставник одной из керженских пустыней старец Ануфрий с иеромонахом Софронием и другими монахами подались в Архангельскую губернию и поселились на Зимнем берегу Белого моря в верховьях реки Койды, около Койдозера. По преданию, до прихода сюда Ануфрия в этих местах находились кельи старообрядцев из Поморья, так называемые зимнеостровские пустыни. Известно, что до образования старообрядческих поселений эти земли принадлежали крестьянам Немножской волости Пинежского уезда Архангельской губернии, которые занимались здесь рыболовством.

По приглашению Ануфрия сюда подались другие старообрядцы из керженских лесов. Так образовался на Зимнем берегу Белого моря старообрядческий скит, сельбища которого располагались на берегу Койдозера, а также по берегам верховьев рек Койды и Майды. Скит этот в честь его основателя был назван Ануфриевским.

Здесь следует сказать, что переселение керженских старообрядцев на Зимний берег Белого моря в пределы Мезенского уезда произошло не без влияния вождя и идеолога старообрядчества протопопа Аввакума Петрова.

Находясь в заточении в Пустозерске, пользуясь сочувствием охранявших его стрельцов и местного населения Аввакум поддерживал постоянную связь с единомышленниками на свободе, в том числе со своими земляками — старообрядцами из Поволжья, скрывавшимися в керженских лесах. Посланец этих старообрядцев инок Иона в 1668 году добрался до Пустозерска и с риском для своей жизни навистил Аввакума в пустозерской темнице. Вспоминая об этом, Аввакум писал, что Иона "зело дух мой успокоил". Вернувшись в нижегородские пределы, Иона привез послание Аввакума своим землякам.

Послания Аввакума из пустозерской темницы тайно переправлялись на Мезень в Окладникову слободу, где в то время находилась в ссылке семья Аввакума — его жена Анастасия Марковна с детьми и его духовные сыновья юродивый Федор и Лука Лаврентьевич, и Окладникова слобода явилась центром по переписке и распространению публицистических сочинений протопопа Аввакума и его союзников.

Все это способствовало зарождению и распространению старообрядчества на Мезени и в Мезенском Поморье. Поэтому не случайно старообрядцы керженских скитов и из других мест России устремились в эти места, так как они находили здесь поддержку со стороны своих единомышленников и сочувствие среди местного населения.

После смерти старца Ануфрия (дата его смерти неизвестна) наставником Ануфриевского скита стал инок Пахомий, который до этого был наставником в одном из сельбищ скита. Пахомий в скит пришел "из-за Москвы, из Орла-города. В 1743 году ему было от роду лет шестьдесят и был он "волосом седоват". В то время вместе с ним проживали 20 старцев и бельцов 15, в том числе родной брат Пахомия.

В остальных сельбищах Ануфриевского скита, расположенных поблизости, в том числе в верховьях рек Койды и Майды, проживали женщины. Роль нравственных руководителей этих сельбищ выполняли наставницы из числа стариц, длительный период проживавших в скиту.

В двух-трех верстах от жительства Пахомия находилось женское сельбище, где наставницей была Маремьяна (биографических данных о ней мы не имеем). Вместе с ней проживали 15 стариц.

В другом сельбище, расположенном в верховьях р. Койды, настоятельницей была Феотиния, в миру Фекла, 1678 года рождения, родом из Романовского уезда. До этого она проживала в одном из керженских скитов, откуда по приглашению старца Ануфрия вместе с монахиней Марфой в 1721 года ушла на север и поселилась в этом сельбище Ануфриевского скита. В 1743 году при ней проживали "8 стариц, 2 белиц и 1 белец".

В женском сельбище, расположенном в верховьях р. Майды, в 20 верстах от Койдозера, наставницей была монахиня Февронья, в миру Федосья, 1654 года рождения, родилась в Варзуге на Терском берегу в семье крестьян-староверов. До этого она 8 лет проживала в одном из керженских скитов и ушла оттуда, когда туда нагрянули люди архиерея Питирима. Вместе с ней в сельбище на р. Майде в 1743 г. пробыли "9 стариц, 9 белиц и 2 бельца".

Ежегодно скитяне посылали в верховские города бельцов для сбора податей на пропитание. Они привозили из Ярославля и других городов "мирского подаяния, ста по три и более, и всяких хлебов и прочих припасов".

Моление в ските исполнялось так же, как и в керженских лесах, читали ежедневно вечерню, утреню и часы.

Наставник Ануфриевского скита монах Пахомий 20 октября 1743 года умер, и после его смерти наставником скита стал схимонах Варлаам.

Летом 1743 года в этих местах по заданию церковных властей побывал крестьянин Окладниковой слободы на Мезени Артемий Ванюков, назвавшийся]

разыскать скрывавшихся здесь, а также [по рекам Пезе, Оме и Пижме Печорской "потаенных раскольников." О результатах своего розыска он доложил архиепископу Архангельскому и Холмогорскому Варсанофию и по настоянию последнего "для сыску и взятия

потенных раскольников ради искоренения староверства" архангельский губернатор отправил в Мезенский уезд и на Пижму Печорскую воинскую карательную экспедицию во главе с майором Ильищевым с участием доносителя Ванюкова. В ноябре 1743 г экспедиция выехала на Пижму Печорскую, произведя там разгром Великопоженского старообрядческого общежития, один из отрядов солдат этой экспедиции во главе с майором Ильищевым, с участием канцеляриста Попова и доносителя Ванюкова выехал в Ануфриевский скит, куда прибыл в январе 1744 г (точная дата его прибытия туда неизвестна).

Участники экспедиции подвергли разорению и разграблению кельи и молельни скита, а старцев и стариц, которые не смогли убежать, "поймаша под охраной солдат отправили в архангельскую губернскую канцелярию, а отсюда переслали в Домовую архиепископа Архангельского и Холмогорского консисторию. А "две старицы от гонителей убежаша", бросились в прорубь и утонули. О количестве разграбленного и изъятого имущества скитян сведений нет, но известно, что часть имущества, в том числе 51 старинная книга и иконы, были доставлены также в Домовую архиепископа Архангельского и Холмогорского консисторию.

В консистории каждому старообрядцу был учинен подробный допрос. После проведения следствия по приказу архиепископа Варсанофия все пойманные (а это были не только койденские и майденские, а и из других мест староверы) под охраной солдат и "домовых" служителей были отправлены обратно, где "дабы содержаны были до резолюции правительствующего Синода под крепким караулом в губернской канцелярии."

Позднее рядовых староверов "под поручительство" отпустили по домам, чтобы "можно провести ревизию". А наставников отправили в Николо-Корельский монастырь и оставили там под караулом Архиепископ распорядился использовать их "в поваренных, хлебных, водолейных и прочих черных работах" и содержать "скованными в кандалах до Указу и крещения".

Вскоре после разгрома Ануфриевского скита старообрядцы этого скита, которым удалось скрыться от карательной экспедиции, вновь вернулись сюда, и их усилиями, а также усилиями вновь пришедших старообрядцев из разных мест России, при активной помощи жителей Поморья, весьма сочувствовавших старообрядцам, скит был возрожден.

В 1802 г. в этом скиту было уже 20 келий, которые были разбросаны между собой на расстоянии одной-трех верст.

В 1845 г. Ануфриевский скит состоял из 11 отдельных сельбищ, разбросанных по берегам Койдозера и реки Койды. Главное из них — Ануфриевское — располагалось на

южном берегу Койдозера. Остальные были разбросаны от него на расстоянии 2,5—9 верст. Во всех этих сельбищах тогда были 22 жилые кельи, в которых проживали 74 скитянина, в том числе 14 мужчин, 58 женщин и 2 ребенка.

Основная масса населения в скиту состояла из крестьян, но были там и люди купеческого сословия, и даже отставные чиновники и военные. В большинстве случаев здесь селились люди из Архангельской губернии, но были и из дальних губерний: Ярославской, Вологодской и из Санкт-Петербурга. Основную массу составляли женщины-келейницы. Живущих семьями было немного, в 1856 г. здесь насчитывалось всего семь семейств.

Все взрослое население скита было занято на разных работах. Мужчины занимались рыбной ловлей и охотой. Занимались также изготовлением разных поделок из дерева: чашек, ложек, ковшей и иной мелкой посуды, которую продавали в Архангельске. Скитяне содержали домашний скот и имели оленей.

В небольших размерах здесь имелось огородничество. Занимались также скитяне сбором и заготовкой ягод и грибов. Келейницы в основном были заняты вязанием поясов и прядением тонких ниток. Эти вещи шли в основном в дар "щедрым жертвователям" скита.

Помимо доходов от промыслов и скотоводства, источниками средств на содержание скита служили пожертвования богатых старообрядцев из центральных городов России, особенно из Москвы и Нижнего Новгорода. Скитяне, которые занимались сбором пожертвований среди торговых и купеческих людей, назывались запрощиками. Их посылали в города под видом торговых людей.

Известное место в поступлении средств на содержание скита занимали также подаяния окрестного населения, сбором которого занимались келейницы.

Скитское имущество, помимо келий, составляли предметы религиозного обихода: старинные книги и иконы. Среди икон было много старых, привезенных из керженских скитов, а также из Москвы и Нижнего Новгорода.

Во главе скита стоял старший наставник, который руководил всем хозяйством и религиозной жизнью скита. Каждое сельбище, состоящее из нескольких близко расположенных келий, имело своего настоятеля или настоятельницу в иноческом звании и обычно преклонного возраста.

В каждом сельбище скита для общих молитв имелись молельни, а в Ануфриевском сельбище имелся молитвенный дом. Все молельни украшались старинными иконами и снабжались старопечатными книгами. Молитвенный дом в праздничные дни украшался особенно чтимыми древними иконами, которые в обычные дни хранились у настоятеля и на обзор не выставлялись.

Вначале староверы Ануфриевского скита придерживались даниловского поморского толка. Однако общение с московскими поповцами повлияло

на характер их поведения, и уже в середине XIX века большинство обитателей скита придерживалось их веры.

Деятельность скита не ограничивалась замкнутой жизнью в скиту. Они имели постоянные сношения со старообрядцами отдаленных от них губерний, и их представители участвовали съездах этих старообрядцев.

Скитяне постоянно пытались распространять свое влияние на окрестное православное население. Старицы скита принимали к себе на обучение детей из окрестных сел. А в центральном сельбище Ануфриевском была школа которую возглавлял выходец из крестьян-поморов Евсей Иванович Нечаев. Светские и духовные власти принимал решительные меры к тому, чтобы прекратить прием детей в скит для обучения. По этому поводу Архангельская духовная консистория 30 июня 184 года издала специальный указ. Этим указом исправники земских судов обязывались брать подписки от старцев, за прещающие их педагогическую деятельность, а приходские священники должны были уговаривать своих прихожан отдавать детей на обучение не старцам скитов, а в церковные школы.

Правительство и губернские власти принимали все меры по искоренению старообрядчества.

В 1847 году решением губернских властей Ануфриевский скит официально был переименован в селение Ануфриевское. Для управления всеми поселениями скита был поставлен управляющий, который должен был давать отчет о состоянии скитов гражданским властям. В официально представляемых отчетах насельники скитов именуются православными, на самом деле все они были староверами. Они совершали церковные обряды по старинным церковным книгам; отказывались причащаться святых тайн у православных священников и отрицали троеперстное сложение для крестного знамения.

Министр государственных имуществ 23 июля 1857 года дал предписание архангельскому губернатору обеспечить неослабное наблюдение за раскольниками, "дабы согласно Высочайшему повелению от 1854 г. в существовавшие в Архангельской губернии скиты вновь никого на жительство принимаемо не было". Кроме того, чтобы пустые кельи, оставленные умершими или выбывшими раскольниками, "были разбираемы до

основания и немедленно, так как эти помещения дают возможность новому поселению раскольников".

Хотя вокруг сельбищ Ануфриевского скита в изобилии произрастал строевой лес, однако скитянам запрещалось рубить этот лес на строительство домов и ремонт старых построек. Для этих целей они могли использовать только старые нежилые дома, которые и вынуждены были разбирать.

В марте 1872 года койденскому старшине было дано предписание от мезенского уездного исправника: "Кельи и другие свободные строения продавать на дрова".

Все это привело к заметному сокращению количества жилых келий в Ануфриевском скиту и проживающих в них скитян во второй половине XIX века.

В 1856 году из 11 сельбищ Ануфриевского скита заселенными были только 9, а в двух стояли пустые кельи, из 22 келий скита жилых осталось только 13. В 1862 году их количество сократилось до 12. А в 1880 г. здесь уже числилось жилых только 4 кельи.

В 1856 году в скиту проживали 73 скитянина, в том числе 20 мужчин и 53 женщины, в их числе 11 детей. В 1862 году число обитателей скита сократилось до 59, в том числе 16 мужчин и 43 женщины. В 1880 году в скиту проживали 9 человек. Многие скитяне к тому времени переселились в ближайšie поморские села, в том числе в Койду, Майду, Ручьи, Семжу и другие. После правительственного манифеста 1905 года о веротерпимости в этих селениях появляются официально зарегистрированные старообрядческие общины.

Позднее Ануфриевское селение, как именовался скит с 1847 года, было переименовано в выселок Коптяковский, так как основное население его составляли братья и сестры Коптяковы. По переписи 1920 года в этом выселке было 6 жилых дворов, в них проживали 39 человек, в том числе 21 мужчина и 18 женщин.

Такова история Ануфриевского старообрядческого скита, который являлся центром старообрядчества в Мезенском Поморье в XVIII—XIX вв.

Николай ОКЛАДНИКОВ,

г. Архангельск